

УДК 93/94

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188>

Отход и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством в пореформенной России (1860–1890-е годы)

Н.Е. Горюшкина¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья посвящена исследованию отходничества как фактора изменений в характере потребления алкоголя крестьянским населением пореформенной России. Актуальность темы определяется необходимостью изучения последствий отмены крепостного права и отмены откупов, включая перемены в культуре питания. Несмотря на то, что факт увеличения потребления алкоголя среди отходников уже отмечался в отечественной историографии, механизмы и характер этой связи остаются недостаточно осмысленными.

Цель работы – рассмотрение отходничества как специфического фактора пореформенного времени, обусловившего изменение характера потребления алкоголя крестьянами.

Задачи: охарактеризовать особенности и типологию отходничества; установить причинно-следственную связь между вовлечением в отхожие промыслы и изменением алкогольных практик; указать функции алкоголя в среде отходников, повлекшие трансформацию традиционных алкогольных практик.

Методология исследования включает принципы историзма, научной объективности и системности, дополненные анализом статистических данных об отходничестве и потреблении алкоголя (статистический метод) и изучением источников, по которым реконструировались мотивы и обстоятельства потребления алкоголя отходниками (нарративный метод).

Результаты. Отмена крепостного права, малоземелье и низкие доходы толкали крестьян на промыслы, разрушая привычные социальные связи. В условиях тяжелого физического труда, оторванности от общины и семьи алкоголь приобретал для отходников новые функции: он служил стимулятором для поддержания работоспособности, средством психологической разрядки, способом преодоления стресса, а также элементом групповой солидарности и адаптации в новой социальной среде.

Вывод. Отходничество выступило мощным фактором, трансформировавшим традиционную спортивную культуру питания крестьянством в систематическое потребление алкоголя в отходе, связанное с необходимостью адаптации в изменившейся социально-экономической обстановке. Этот процесс оказал существенное влияние на социальную структуру пореформенной России.

Ключевые слова: пореформенная Россия; крестьянство; отходничество; алкоголь; социальная адаптация; культура питания.

Финансирование: Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н.Е. Отход и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством в пореформенной России (1860–1890-е годы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 177–188. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188>.

Поступила в редакцию 28.04.2025

Принята к публикации 29.05.2025

Опубликована 16.06.2025

© Горюшкина Н.Е., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(3):177-188

Waste and its role in changing the nature of alcohol consumption by the peasantry in post-reform Russia (1860–1890s)

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article is devoted to the study of *otkhodnichestvo* as a factor in changes in the nature of alcohol consumption by the peasant population of post-reform Russia. The relevance of the topic is determined by the need to study the consequences of the abolition of serfdom and the abolition of tax farming, including changes in the culture of drinking. Despite the fact that the fact of increased alcohol consumption among *otkhodnichestvo* has already been noted in Russian historiography, the mechanisms and nature of this connection remain insufficiently understood.

The purpose of the work is to consider *otkhodnichestvo* as a specific factor of the post-reform period, which determined the change in the nature of alcohol consumption by peasants.

Objectives to characterize the features and typology of *otkhodnichestvo*; to establish a cause-and-effect relationship between involvement in seasonal work and changes in alcohol practices; to indicate the functions of alcohol among *otkhodnichestvo*, which entailed the transformation of traditional alcohol practices.

The research methodology includes the principles of historicism, scientific objectivity and consistency, supplemented by the analysis of statistical data on seasonal work and alcohol consumption (statistical method) and the study of sources used to reconstruct the motives and circumstances of alcohol consumption by seasonal workers (narrative method).

Results. The abolition of serfdom, land shortages and low incomes pushed peasants to work, destroying their traditional social ties. In the conditions of heavy physical labor, isolation from the community and family, alcohol acquired new functions for seasonal workers: it served as a stimulant to maintain performance, a means of psychological release, a way to overcome stress, as well as an element of group solidarity and adaptation in a new social environment.

Conclusion. Seasonal work was a powerful factor that transformed the traditional sporadic drinking culture of the peasantry into systematic alcohol consumption in the wasteland, associated with the need to adapt to the changed socio-economic situation. This process had a significant impact on the social structure of post-reform Russia.

Keywords: post-reform Russia; peasantry; seasonal work; alcohol; social adaptation; drinking culture.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N.E. Waste and its role in changing the nature of alcohol consumption by the peasantry in post-reform Russia (1860–1890s). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(3):177–188. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-3-177-188>.

Received 28.04.2025

Accepted 29.05.2025

Published 16.06.2025

***

Введение

Крестьянская реформа коренным образом изменила жизнь российской деревни. Скудный земельный надел, низкая доходность крестьянского хозяйства, тяжесть налогов вынудили многих крестьян оставить дом и отправиться на заработки.

Отхожие промыслы было принято делить на земледельческие, в этом случае крестьяне нанимались артелями для ручной косьбы травы и хлеба, вспашки и молотбы, работы со скотом и в огороде, рытья канав и прудов, сбора лекарственных трав, и промыслы, не имевшие земле-

дельческого характера, когда крестьяне выдвигались в города на «черные», реже – квалифицированные работы.

Отход крестьян серьезно влиял не только на экономику, но и на социальную жизнь пореформенной деревни. В частности, изменился характер потребления алкоголя крестьянским населением пореформенной России. Рассмотреть отход как специфический фактор пореформенного времени и его роль в изменении характера потребления алкоголя крестьянством призвана данная работа.

Методология

Продуктивными принципами исследования стали: историзм, научная объективность и системность, которые были выбраны ввиду особенностей объекта изучения и решаемых задач. Первый – позволил рассмотреть отходничество в условиях отмены крепостного права и отмены винных откупов. Тесно взаимосвязанные между собой принципы объективности и системности дали возможность заметить, что отход действительно повлиял на рост потребления алкоголя крестьянством в результате сложного взаимодействия самых разных факторов. Свое применение нашел статистический метод из-за необходимости анализа статистических данных об отходничестве и потреблении алкоголя. Востребован был и нарративный метод, использованный при анализе источников для реконструкции мотивов и обстоятельств потребления алкоголя отходниками.

Надо признать, что в дореволюционный период отходничество внимательно изучалось (В.И. Чаславский [1], Е. Карцев [2], Б. Ленский [3], Л. П. Весин [4] и др.) Серьезному анализу были подвергнуты причины, формы, продолжительность отхода, но последствия отходничества, включая его влияние на культуру потребления алкоголя крестьянством, освещались только попутно. Более внимательно к этой проблеме отнеслись экономисты начала XX в. (С.А. Первущин [5],

В.К. Дмитриев [6]). Они первыми указали на различия в объемах потребления алкогольной продукции в городе и в деревне, но объясняли этот факт в основном наличием у рабочих свободных денег. В советское время к проблеме отхода крестьян обращался П.Г. Рындзюнский, рассматривая его в контексте влияния на градообразование [7]. О росте потребления алкоголя крестьянами-отходниками стали писать современные исследователи (Л.И. Земцов, И.А. Шевченко [8], А.В. Николаев [9]). Однако причинно-следственная связь между отходом и потреблением алкоголя в пореформенной России остается до сих пор не освещенной, механизмы и характер этой связи в должной мере не раскрыты.

Результаты и их обсуждение

Не вызывает сомнения, что сила противостояния жизненным невзгодам велика в российском крестьянстве. Оказавшись в тяжёлых жизненных обстоятельствах после отмены крепостного права, крестьяне стали активнее искать возможность заработать за пределами своего родного села. «Я удивляюсь, – писал И.С. Аксаков, – как русский человек отважно отправляется на дальний промысел в места, совершенно чуждые, а потом возвращается на родину, как будто ни в чем не бывало» [10, с. 32].

Рассказы о разбогатевших на стороне земляках передавались в селах из уст в уста. Повсюду можно было услышать истории про то, как некий бедняк через 10–15 лет превратился в «тысячника», как «какой-то генерал подарил понаравившемуся питерщику¹ 1000 рублей», «бездетный старик-благодетель оставил своему приказчику 100000 рублей; один питерщик „банкрот делал“ десять раз, другой нашел на улице много тысяч, тре-

¹ «Питерщик» (просторечное выражение) – крестьянин, уходивший на заработки в Петербург (Питер) и работавший там в течение некоторого времени.

тий обделал своего хозяина, четвертый нажился, будучи душеприказчиком» и пр. [11, с. 45-46]

Разнообразие местностей, куда отправлялись на заработки крестьяне, отдаленность их от мест жительства и одного от другого достигало порой значительных размеров. Привлекательным местом для отхода были столичные Москва и Санкт-Петербург, а также крупные города Киев, Одесса, Варшава. Там без проблем можно было устроиться каменщиком, штукатуром, плотником, столяром, кровельщиком, маляром, сапожником, мебельщиком, грузчиком, дворником, сторожем, пойти в личное услужение, заняться торговлей вразнос или вразвоз. В фабрично-заводских рабочих всегда нуждались растущие индустриальные центры России, донецкому бассейну требовались «каменноугольщики», моря и большие реки ждали рыбаков, лесные районы – дровосеков, пильщиков, корчевщиков пней. Немалая часть отходников занялась строительством железных дорог. Точильщики

пил выбирали местом приложения сил привислинские губернии. Плотники и судостроители направлялись в Петербург и Кронштадт, Тюмень и Барнаул. Каменщики находили работу в Пермском крае, Закаспийском крае, Бухаре; крючники – на Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани; пастухи – в Оренбургской губернии, рыболовы – на Волге и Каспийском море. Главным направлением отхода крестьян центрально-чернозёмных губерний были Донбасс, Новороссия, Северный Кавказ, юго-западные губернии.

Определить размеры отходничества в пореформенной России можно только приблизительно, точные данные отсутствуют. В 1896 г. в журнале «Русское богатство» была опубликована статья экономиста и статистика Н.А. Карышева [12, с. 2], где был представлен его расчет размеров отходничества, произведенный на основании данных 131 уездов 19 губерний Центральной России в начале 1890-х гг. (табл.).

Таблица 1. Доля отходников в губерниях Центральной России, %

Table 1. The share of otkhodniks in the provinces of Central Russia, %

Губернии	Процент мужского рабочего населения, уходившего на промыслы
Смоленская	42,5
Московская	40,2
Нижегородская	36,3
Рязанская	32,1
Орловская	29,5
Вятская	28,8
Петербургская	27,9
Курская	27,6
Бессарабская	24,2
Тверская	18,9
Екатеринославская	13,6
Черниговская	12,5
Воронежская	12,3
Саратовская	11,6
Новгородская	10,7
Херсонская	6,8
Самарская	6,3
Полтавская	5,6
Пермская	4,0

Из таблицы 1 видно, что размер отхожих промыслов в разных губерниях Центральной России был весьма различным. Первенствовали в этом отношении Смоленская и Московская, Нижегородская и Рязанская губернии, где в отходе находилось более трети мужского населения. Значительную долю отходников давали Орловская, Вятская, Петербургская, Курская и Бессарабская губернии. На заработки из этих губерний отправлялась примерно четверть мужского населения. Меньшие размеры отходничества (около 1/6 мужского рабочего населения) были зафиксированы в Тверской, Екатеринославской, Черниговской, Воронежской, Саратовской губерниях. В меньшей степени отход был развит в южных и степных губерниях.

Отправлялись крестьяне на промысел артелями и поодиночке, смотря по роду промысла, «где пешком, где на чугунке, где на плоту спустятся или на лодке, а где и присоседятся на облучке проезжей телеги». Оставлявшие дом работники находились в полном безденежье, потому в дороге не позволяли себе лишнего, а порой лишали себя и самого необходимого [13, с. 5].

Чем дальше уходил крестьянин на заработки, тем продолжительнее был срок отхода. Почти всегда дата ухода и возвращения определялась каким-то церковным праздником. Чаще всего крестьяне отправлялись в путь в день памяти апостола Филиппа (27 ноября) и прибывали в родные места к Благовещенью (7 апреля).

«Пройти пешком пространство в несколько сот верст, – писал Е. Карцев, – нельзя иначе, как с затратою времени и материальных издержек, не говоря уже об усталости и истощении физических сил» [2, с. 267]. Со временем отход превращался в круглогодичное занятие. Один из корреспондентов Владимирского земства сообщал: «Фабричный колокол не знает времени года и звонит с педантичной точностью, призывая крестьян,

бросивших соху, к бездушной машине, а если кто уйдет с фабрики на летние работы; того зимой уже не берут» [14, с. 14].

Точный размер заработка отходников указать сложно, он был неодинаковым и зависел во многом от сезонности и урожайности года, численности предлагавшихся на рынке труда рабочих рук, личности самого отходника, его трудолюбия, целеустремленности, наличия вредных привычек. Опрос более 1000 человек «отхожих», сделанный в 1882 г. статистом Н.П. Ползыковым на Курско-Харьково-Азовской железной дороге, показал, что 84% опрошенных ушли из дому на срок от 2-х до 6-ти месяцев; средний заработок их составлял 38,2 руб., расходы – 21,8 руб., чистый доход был равен 16,4 руб. в месяц, или 13–14 коп. в день [15, с. 63–64].

Крестьянин, отправившийся на земледельческие промыслы, хотя и становился опытнее, увереннее односельчанина, благодаря тому, что знакомился с новыми местами, людьми, иной жизнью и иными устоями, не особо отличался от «однодеревцев». Он торопился вернуться домой, срок его отхода не превышал 3–8 месяцев. Неземледельческие промыслы меняли крестьянина в большей мере. На заработках в городе он проводил продолжительное время (иногда по 1,5–5 лет). Овладев новыми профессиями, усвоив особые производственные навыки, крестьянин отвыкал от земледельческих занятий и откладывал свое возвращение домой, полученные в городе навыки для села были непригодными [11, с. 16].

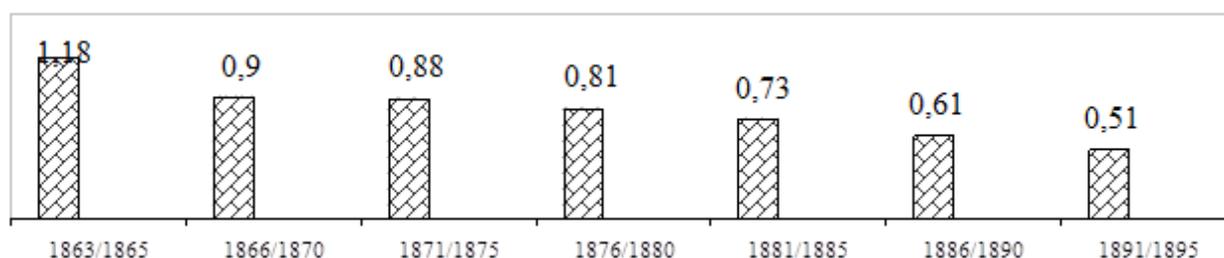
В городской среде отходникам было непросто, многие из них чувствовали себя чужаками. Масштаб и темп жизни города впечатлял. Чувство комфорта пропадало. Продолжительность процесса адаптации у каждого крестьянина была различной. «Выбитые нуждой из вековой земледельческой рутины, они теряются на каменных мостовых больших городов, в дыму фабричных труб, пред ослепи-

тельным светом бессемеровских конвертеров, в глубинах угольных шахт» [16, с. 484]. Со временем крестьянин менял костюм, становился самостоятельным в суждениях, учился грамоте и «благородным» манерам.

Менялся и способ потребления алкоголя. Если в деревне крестьянин потреблял алкоголь на праздник (Рождество, Масленица, Святки, Пасха, Троица) или по особому случаю (свадьба, именины, проводы в армию, похороны), то выпивка

в фабрично-заводской среде становилась явлением обыденным и регулярным. Причина, по мнению В.К. Дмитриева, заключалась в том, что «в городских условиях жизни водка переставала быть для потребителя редкостью и переходила в число обычных, ежедневных продуктов потребления [6, с. 211].

Каков был уровень среднедушевого потребления алкоголя в пореформенной России в акцизное время, демонстрирует рисунок (рис. 1).

Рис. 1. Душевое потребление алкоголя в пореформенной России, ведро 40° [17, с. 12]

Fig. 1. Per capita alcohol consumption in post-reform Russia, bucket 40° [17, p. 12]

Анализ представленных на рисунке 1 данных свидетельствует об устойчивом снижении душевого потребления алкоголя. В начале рассматриваемого периода (1863–1865 гг.) среднедушевое потребление составляло 1,18 ведра 40° алкоголя. К середине 1870-х гг. потребление снизилось до уровня 0,88–0,9-ведра, продолжая устойчиво убывать в последующие годы. В период 1881–1885 гг. этот показатель составлял уже 0,73 ведра, а к концу ис-

следуемого времени (1891–1895 гг.) он достиг минимального значения в 0,51 ведра.

Но статистические сведения убедительно доказывают, что душевое потребление в городах заметно отличалось от душевого потребления в сельской местности.

Вполне убедительными выглядят данные, приведенные экономистом В.И. Покровским (табл. 2).

Таблица 2. Расчет размеров потребления алкоголя в зависимости от места проживания, ведро 40° [18, с. 32]

Table 2. Calculation of alcohol consumption depending on the place of residence, bucket 40° [18, s. 32]

Потребитель	В деревне	В городе	В столицах
Мужчина	$1 - \frac{1}{5}$	4	7
Семья в 5 человек	2	$6\frac{3}{4}$	10

Таблица 2 наглядно показывает дифференциацию в уровне потребления спиртных напитков между жителями деревень, городов и столиц. В деревне

мужчина потреблял в среднем $1 - \frac{1}{5}$ ведра алкоголя. В городе этот показатель возрастал до 4 ведер, что примерно в 3,33 раза выше, чем в сельской местно-

сти. В столицах уровень потребления алкоголя достигал 7 ведер. Семья из пяти человек в деревне потребляла в год примерно 2 ведра алкоголя. В городе уровень потребления поднимался до $6\frac{3}{4}$ ведра алкоголя, он почти в 3,4 раза превышал деревенский уровень. В столицах семейное потребление достигало 10 ведер, что в 5 раз больше, чем в деревне.

Представленные данные отражают количественные различия в потреблении алкоголя и, пусть косвенно, указывают на культурные расхождения, имевшие место между разными видами поселений. Это явление нельзя объяснить ни распространенностью в городах питейных заведений, ни особым возрастным составом городского населения.

Определенно, что в пореформенное время менялась культура потребления алкоголя.

Каковы были причины этого явления?

Во-первых, в городских условиях алкоголь переставал быть редкостью, переходил в число обычных, ежедневных продуктов. «В Питере что? Свобода, и соблазнов много, и деньги всегда шевелятся в кармане, а здесь в деревне и кабак-то не скоро найдешь, да и деньги-то достаются труднее. Там тебя и остановить-то, поддержать некому, ну а здесь семья», – привел слова вернувшегося с заработков крестьянина этнограф Д.Н. Жбанков [11, с. 35].

К примеру, в 1883 г. при населении около 30 тыс. человек в Иваново-Вознесенске потреблялось спиртных напитков на сумму 935 тыс. руб., следовательно, по 5 руб. тратил в месяц каждый горожанин мужского пола при заработке от 8 руб. до 100 руб. Примечательно, что алкоголь становился обычным продуктом потребления не только для хорошо зарабатывавших рабочих, но и для тех, кто перебивался случайными заработками и едва находил средства для существования [19, с. 48–49].

Во-вторых, алкоголь стал элементом групповой солидарности и адаптации отходников в новой социальной среде. Переезд из деревни в город неминуемо сопровождался отрывом от традиционных общинных связей. Отходник менял ритм жизни, у него появлялись новые формы досуга, где алкоголь играл более заметную роль.

Алкоголь помогал обрести товарищей, «прописаться» в коллективе. К примеру, на иваново-вознесенских фабриках действовала так называемая система «магарычей». Заключалась она в том, что рабочие и даже мастера «опаивали» каждого поступавшего на работу. В случае уклонения от магарыча, новичка подвергали жестким ругательствам, высмеиванию, клевете, а порой и кулачной расправе. Совместная выпивка подтверждала получение крестьянином нового звания – звания рабочего.

В-третьих, алкоголь служил стимулятором для поддержания работоспособности, снимал напряжение, помогал расслабиться, забыть о тяжелой доле. Выполняя однообразные операции, проживая в холодных землянках, питаясь впроголодь, многие из них попадали в такое психическое состояние, которое толкало их к получению искусственных средств возбуждения. Без алкоголя пройти этот путь было невозможно. Некоторые категории рабочих тратили на водку от 20% до 30% расходного бюджета, делалось это за счет ухудшения одежды, замены алкоголем других продуктов питания. «Решающим моментом, определяющим у нас уровень потребления в стране алкоголя, по мнению В.К. Дмитриева, является не „Господин Урожай“, а – уж если употреблять образное выражение, – „Господин Капитал“: всякое торжество капитала, всякое распространение его власти на новые массы крестьян, вышедших – по своей ли воле, или в силу необходимости, – из-под “власти земли”, отражается на уровне душевого потребления алкоголя повышением этого уровня,

как бы при этом ни складывались прочие обстоятельства» [6, с. 28].

Известный в дореволюционной России психиатр И.А. Сикорский писал: «Раньше было пьянство, а с XIX века начался алкоголизм с его неизбежными последствиями» [20, с. 24]. Земские врачи фиксировали увеличение числа болезней, вызываемых алкоголем, среди которых значились «упадок сил вследствие кутежей», «ослабление способностей ума», «расположение к болезням души», «склонность к помешательству» (около 15% душевных болезней развивалось на фоне злоупотребления алкоголем) [21].

Росло число смертей от «неумеренного потребления спиртных напитков». Данные по Европейской России за период с 1870 по 1887 г. показывают, что из 363 085 случайных смертей 85 200 (или 23,5%) имели причину «опой водкой» (т.е. в среднем 5 тыс. человек в год) [22, с. 18]. Другие случайные смерти из категорий «самоубились», «отравились», «замерзли», что, как правило, сопровождалось опьянением погибшего, но в этом случае пьянство как причина, повлекшая смерть, не указывалась, хотя таковой являлась [23]. Недостаточная статистика по России не позволяет определить точную цифру, показывающую количество лечившихся от алкоголизма лиц. Определенно известно, что за период с 1886 по 1897 г. в больницах Европейской России лечилось от алкоголизма 20 508 мужчин и 2534 женщины [22, с. 18].

Возвращение отходника – важное событие для деревни. Тут уже удовлетворялись (с крестьянской точки зрения) мечты. «Интересно проследить одновременное возвращение, положим, плотника и чернорабочего. Первый, заработав рублей сто с лишком, позволяет себе чайку попить с булкой, водки выпьет и колбасой закусит; он и десяток папирос раскурит, а домой везет жене, или дочке в подарок платок шерстяной, а то и шелковый, да еще бус прибавит! Второй, заработав 30–40, едет скромно, водки, конеч-

но, выпьет, а поест хлеба с квасом и луком, но колбасы и папирос не купит, домой же везет ситцевый платок, пряник или бублики», – рассказывал А.А. Тилло [13, с. 6].

Все сказанное относилось к трезвым и бережливым крестьянам. Любители выпить денег приносили мало или не приносили их совсем. Пьянствовать они начинали еще в пути на родину. Выручка от каторжного труда в этом случае оставалась у буфетчика. Шумное возвращение поморов описывал А. Александров: «Высадившись на берег, первым долгом выражая, по-видимому, радость, что не погибли в волнах, пьют „привально“. Привально продолжается для многих целыми неделями и тогда в селе воцаряется форменный ад: пьют, дерутся, просыпаются, опохмеляются, а иные и на-веки засыпают. А семьи вместо радости после долгой разлуки, охают и мечутся по селу, разыскивая своих кормильцев» [24, с. 692].

Вернувшийся крестьянин старался выглядеть горожанином, был горделив и щедр. Его возвращение означало конец тягостной разлуки и не обходилось без подарков и гостинцев всем членам семьи, разговоров о полученных впечатлениях и, конечно, выпивки. «Крестьяне все дома, вернувшись с промыслов, и деньги и вещи, у всех целы. Нельзя поверить, что видишь крестьян и крестьянок: так роскошно они одеты и так разгульно проводят время. Красивые санки, лошадь в бубенчиках и в щегольской сбруе, в санях сидят муж, одетый часто в енотовой шубе и бобровой шапке, подпоясан шерстяным яркого цвета кушаком; на нем высокие щегольские сапоги; жена в шубке, покрытой материей яркого шелку, мех лисий, а воротник, иногда и соболий, сарафан на ней шелковый... Просто боярыня прежних времен! В трактирах, в залах и во всех номерах полно: все крестьяне и крестьянки, пьют, едят и кутят. Всю зиму работ почти нет, одна сплошная гулянка; к весне, когда идти надо на промысел, полное оскудение, едва на хлеб есть, а

шелк, мех, сбруя и все прочее заложено у кабатчика или кулака», – так описывал вернувшихся с заработков крестьян А.А. Тилло [13, с. 7-8].

Бывали и курьезные случаи. Д.Н. Жбанков был свидетелем, как в костромскую деревню отходник «прикатил зимой на тройке, напоил всю деревню допьяна, пробыл дома 5 часов, пока кормились лошади и, не поздоровавшись хорошенько с женой и семьей, снова укатил в Питер» [11, с. 48].

Этот сюжет, хотя и носит частный характер, раскрывает суть перемен, которые родило отходничество. Кто-то из отходников, попьанствовав несколько дней, возвращался к крестьянскому труду, а кто-то становился завсегдатаем кабака. Пропой заработанных на стороне денег осуждался односельчанами. «От того, что ходят, бывает только опущенство, – с презрением и досадой говорил мне волостной старшина, – уходят, ничего не зарабатывают, ничего не приносят, сами чуть что не голые, без штанов возвращаются. Не то жаль, что они, подлецы, ничего не посылают домой, я то жаль, что у них, подлецов, у самих ничего не оказывается» [16, с. 483].

В целом отход как массовое явление пореформенной России обеспечил глубокие социальные и культурные изменения в деревне. Отходничество привело к качественному сдвигу в культуре питания – от традиционного спорадического к новому, «городскому», систематическому потреблению. Возвращаясь в родные села, отходники несли с собой измененные нормы и привычки и, транслируя городскую культуру, размывали традиционные устои деревни. Лишь немногие из отходников возвращались к прежней модели потребления алкоголя.

Таким образом, отходничество стало ключевым фактором, который не только увеличил объемы потребления спиртного, но и фундаментально изменил характер и социальные функции алкоголя для

значительной части российского крестьянства в рассматриваемый период.

Помимо пьянства, отходники приносили с собой городские обычаи, манеры, моду одежды и стиль поведения, а также бытовые привычки и нравы городских обывателей. Сельская молодежь охотно перенимала городские установки. К прежним хороводам, пляскам и песням добавились в качестве развлечений карусели, качели, кукольные и цирковые балаганы, частушки. Кроме того, отходники везли из больших городов предметы быта и даже роскоши: керосиновые лампы, самовары, мебель, модную одежду, граммофоны, что ассоциировалось у крестьян с городской жизнью.

В крестьянском понимании у выпивки должен быть повод: праздник, свадьба, похороны, проводы. Если человек выпивал «просто так», то считался пьяницей и бездельником. Рабочий люд в городе не пренебрегал ежедневным потреблением спиртных напитков, что для сельского жителя было неприемлемо.

Выводы

Отходничество, ставшее массовым явлением в пореформенной России, привело к глубоким социальным и культурным изменениям в крестьянской среде. Вырванные из привычного деревенского уклада, оторванные от семейных и общинных связей, крестьяне-отходники сталкивались на новом месте с тяжелыми условиями труда и быта. Алкоголь из атрибута праздников и ритуалов превращался в способ регулярного, порой ежедневного, расслабления. Он становился средством снятия усталости и стресса, способом забыться, поднять настроение, «влиться» в рабочий коллектив.

Отходничество привело к качественному сдвигу в культуре питания – от традиционного спорадического к новому, «городскому», систематическому потреблению. Возвращаясь в родные села, отходники несли с собой измененные нормы и привычки и, транслируя городскую культуру,

туру, размывали традиционные устои деревни. Лишь немногие из отходников возвращались к прежней модели потребления алкоголя.

Таким образом, отходничество стало ключевым фактором, который изменил характер и социальные функции алкоголя

в отношении значительной части русского крестьянства. Именно отходничество обусловило отказ от празднично-ритуального потребления в пользу систематического приема алкоголя как элемента адаптации к новым условиям жизни.

Список литературы

1. Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1875. 31 с.
2. Карцев Е. Экономические этюды. Отхожий промысел // Наблюдатель. 1882. № 3. С. 247-269.
3. Ленский Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России // Отечественные записки. 1877. № 12. С. 207-258.
4. Весин Л. П. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. Г. 19. 1886. № 7. С. 127-155; 1887. Г. 20. № 2. С. 102-124.
5. Первушин С.А. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей. СПб.: Изд. Комиссии по вопросу об алкоголизме, 1912. 102 с.
6. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: В.П. Рябушинский, 1911. 283 с.
7. Рындзюнский П.Г. Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX века // Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1970. 245 с.
8. Земцов Л.И., Шевченко И.А. Потребление алкоголя и борьба за трезвость в великорусской деревне на рубеже XIX – XX веков: монография. Липецк: Липецк. гос. пед. ун-т им. Семенова-Тянь-Шанского, 2015. 171 с.
9. Николаев А.В. Русское пьянство: от традиции к политике: монография. Тольятти: Тольят. гос. ун-т сервиса, 2007. 151 с.
10. Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. 544 с.
11. Жбанков Д.Н. Бабыя сторона: Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 137 с.
12. Карышев Н.А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство, 1896. № 7. XXXV. С. 1-24.
13. Тилло А.А. Кустарные и отхожие промыслы Костромской губернии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 235 с.
14. Александров Л.Я. К вопросу о положении земледелия во Владимирской губернии (Краткий историко-статистический очерк). Владимир-на-Клязьме: Типо-литогр. Губ. зем. управы, 1903. 48 с.
15. Ползыков Н.П. Отчет об исследовании отхожего промысла между Харьковом и Таганрогом по Курско-Харьково-Азовской ж. д. от 15 до 31 мая 1881 года. Харьков: Изд. Харьков. стат. комитета, 1882. 73 с.
16. Струве Л.Б. Из летних наблюдений // На разные темы (1893-1901): сборник статей. СПб.: Тип. Дома презрения малолетних. 1902. С. 465-486.
17. Антропов П.А. Финансово-статистический атлас России. СПб.: А. Ф. Маркс, 1898. 45 л.
18. Покровский В.И. Несколько статистических данных по вопросу о потреблении алкоголя. Доклад Комиссии по вопросу об алкоголизме 11 апреля 1907 г. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1907. 34 с.

19. Дадонов В. «Русский Манчестер» (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12. С. 46-67.
20. Сикорский И.А. Основы алкогольной политики в России. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. 24 с.
21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 98, 213-215 об.
22. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905. 120 с.
23. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 121 об.
24. Александров А. Грамотность и пьянство в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 8-9. С. 687-695.

References

1. Chaslavskii V.I. Agricultural latrines in connection with the resettlement of peasants. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K^o; 1875. 31 p. (In Russ.)
2. Kartsev E. Economic studies. Latrine fishing. *Nablyudatel' = The Observer*. 1882;(3):247-269. (In Russ.)
3. Lenskii B. Non-agricultural latrines in Russia. *Otechestvennye zapiski = Domestic notes*. 1877;(12):207-258. (In Russ.)
4. Vesin L.P. The importance of latrines in the life of the Russian peasantry. *Delo = A business*. G. 19. 1886;(7):127-155; 1887;20(2):102-124. (In Russ.)
5. Pervushin S.A. The experience of the theory of mass alcoholism in connection with the theory of needs. St. Petersburg: Izd. Komissii po voprosu ob alkogolizme; 1912. 102 p. (In Russ.)
6. Dmitriev V.K. Critical research on alcohol consumption in Russia. Moscow: V.P. Ryabushinskii; 1911. 283 p. (In Russ.)
7. Ryndzyunskii P.G. Peasant withdrawal and the number of rural population in the 80s of the XIX century. In: *Problems of the genesis of capitalism*. Moscow: Nauka; 1970. 245 p. (In Russ.)
8. Zemtsov L.I., Shevchenko I.A. Alcohol consumption and the struggle for sobriety in the Great Russian countryside at the turn of the 19th – 20th centuries. Lipetsk: Lipetsk. gos. ped. un-t im. Semenova-Tyan-Shanskogo; 2015. 171 p. (In Russ.)
9. Nikolaev A.V. Russian Drunkenness: from Tradition to Politics. Tol'yatti: Tol'yat. gos. un-t servi-sa; 2007. 151 p. (In Russ.)
10. Aksakov I.S. Letters from the provinces. Office day at the Criminal Chamber. Moscow: Pravda; 1991. 544 p. (In Russ.)
11. Zhbakov D.N. The Indian Side: A statistical and ethnographic essay. Kostroma: Gub. tip.; 1891. 137 p. (In Russ.)
12. Karyshev N.A. Towards the study of our latrine crafts. *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*. 1896;7(XXXV):1-24. (In Russ.)
13. Tillo A.A. Handicrafts and latrines of Kostroma province. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma; 1883. 235 p. (In Russ.)
14. Aleksandrov L.Ya. On the situation of agriculture in the Vladimir province (A brief historical and statistical sketch). Vladimir-na-Klyaz'me: Tipo-litogr. Gub. zem. upravly; 1903. 48 p. (In Russ.)
15. Polzykov N.P. Report on the study of the latrine fishery between Kharkov and Taganrog along the Kursko-Kharkov-Azovskaya railway from May 15 to May 31, 1881. Khar'kov: Izd. Khar'kov. stat. komiteta; 1882. 73 p. (In Russ.)
16. Struve L.B. From summer observations. In: *Na raznye temy (1893-1901): sbornik statei = On various topics (1893-1901): collection of articles*. St. Petersburg: Tip. Doma prezreniya maloletnikh; 1902. P. 465-486. (In Russ.)
17. Antropov P.A. Financial and statistical atlas of Russia. St. Petersburg: A.F. Marks; 1898. 45 l. (In Russ.)
18. Pokrovskii V.I. There are several statistics on alcohol consumption. Report of the Commission on Alcoholism on April 11, 1907. St. Petersburg: Tip. P.P. Soikina; 1907. 34 p. (In Russ.)

19. Dadonov V. Russian Russian Manchester (Letters about Ivanovo-Voznesensk). *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*. 1900;(12):46-67. (In Russ.)
20. Sikorskii I.A. Fundamentals of alcohol policy in Russia. Kiev: Tip. S.V. Kul'zhenko; 1912. 24 p. (In Russ.)
21. GAKO (The State Archive of the Kursk region). F. 1. Op. 1. D. 2669. L. 98, 213-215 ob. (In Russ.)
22. Norov V. State-owned wine monopoly in the light of statistics. St. Petersburg: Tip. N.N. Klobukova; 1905. 120 p. (In Russ.)
23. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 574. Op. 1. D. 269. L. 121 ob. (In Russ.)
24. Aleksandrov A. Literacy and drunkenness in Pomerania. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa = Proceedings of the Arkhangel'sk Society for the Study of the Russian North*. 1911;(8-9):687-695. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Sciences (Historical), Associate Professor, Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@ya.ru,
ORCID: 0000-0003-4042-3529